

А. Ослон

Мир теорий в эпоху “охвата”

*Я считаю само собой
разумеющимся и предполагаю:
другой считает так же; что, если я
поменяюсь с ним местами и его
“здесь” станет моим, я буду
находиться на том же самом
расстоянии от объектов и видеть
их в той же самой типичности, что
и он в настоящий момент.
Более того, в пределах моей
достигаемости будут находиться
те же самые вещи, что
и у него сейчас.*
Альфред Шютц

Мир теорий и “личные знания”

Социальный мир можно рассматривать как множество *теорий*, произведенных и усвоенных взаимодействующими людьми*. Теории представляют собой типизированные схемы мышления/суждения/действия для решения типизированных задач в типизированных ситуациях. Совокупность усвоенных индивидом теорий образует “личное знание”, которое носит субъективный характер. Однако теория X из состава “личного знания” индивида может быть *объективирована* в виде порождаемых ею суждений/действий, предназначенных для других индивидов.

В реальных коммуникациях адресант (отправитель) суждений/действий предполагает, что адресат (получатель) сумеет понять, что означают его суждения/действия, так как теория X присутствует и в его “личном знании”. Альфред Шютц называет это допущение общим тезисом о взаимозаменяемости перспектив [Абельс Х. 1999]. Только в этом случае действия участников коммуникации могут быть скоординированными. На самом деле адресат может ошибочно предполагать, что адресант исходит из теории Y, а не из теории X. В этом случае его ответные суждения/действия будут неадекватны, в чем ему придется так или иначе убедиться. Если адресант хочет быть понятым, то он должен обеспечить такую объективацию теории X, чтобы адресат сумел сконструировать ее в своем “личном знании”, т.е. должна произойти *репликация* (создание похожего экземпляра) теории X в “личном знании” адресата**.

Имея в виду мириады коммуникаций, происходящих между людьми, можно говорить о том, что “личные знания” людей – это среда, в которой рождаются, реплицируются, видоизменяются и исчезают теории. В ходе процессов репликации происходит преобразование теорий из субъективной формы в доступную другим людям объективную форму – текст, состоящий из некоторых знаков, нанесенных на доступный для восприятия материальный носитель. Адресаты производят обратное (возможно, неточное) преобразование текста в субъективную форму – таким образом, происходит “круговорот теорий в природе”***.

Социальные институты как теории

Для любого *проекта* с участием многих людей необходимо оснащение “личных знаний” участников “экземплярами” теории этого проекта, чтобы каждый участник знал

Опубликовано в журнале “Отечественные записки” [Ослон А.А. 2003]. Печатается в сокращении.

* Возможны, конечно, и другие точки зрения. Ср., например, тезис П.А. Сорокина: “Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли... Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчета” [Сорокин П.А. 1992].

** Процессы репликации лежат в основе нашедшей в 70–80-е годы XX века неодарвинистской теории Ричарда Докинза, касающейся не только эволюции генов и, как следствие, человека, но и эволюции культуры [Докинз Р. 1993].

*** Теория К. Поппера о “трех мирах” [Поппер К. 2000].

“свое место и свой маневр” в совместной деятельности. Это означает, что в теории проекта должны быть:

- определены необходимые для проекта функциональные роли с “прописанными” для них *ролевыми теориями* (что и как должны думать и делать исполнители роли);
- зафиксированы статусы ролевых позиций (кто кому подчиняется);
- определены механизмы контроля и санкций за нарушение норм и правил ролевого и статусного поведения;
- определен компонент, задающий высшие *смыслы* проекта, его *ценности*.

Что же касается участников, то они должны интернализировать (усвоить, принять как свою личную) теорию проекта, то есть усвоить отвечающие их статусам части теории проекта, а иногда и маркировать в своих “личных знаниях” теорию проекта как “несомненную”, “высокозначимую”, “обязательную к исполнению” – словом, как догму.

Проект бывает успешным и долговечным, если у него “сильная” теория, способная стать догмой, четко определить рамки деятельности и взаимодействия участников, мобилизовать их, обеспечить их солидарность. Для проекта с “сильной” теорией контингент его участников вообще-то безразличен: догма управляет ими, а они, руководствуясь догмой, хранят ее и передают, готовят себе смену, заботятся о превращении ее в традицию, придают ей исторический и даже сакральный смысл. Участники проекта, интернализовавшие его теорию, действуют по ее ролевым “прописям” ей “во благо”: усиливают ее, адаптируют, развивают, защищают, а также принуждают к этому других участников и контролируют их.

По описанной схеме возникают, существуют и исчезают многочисленные *социальные институты*, которые есть не что иное как “сильные” теории, организующие те или иные виды проектов, рекрутирующие для своей реализации исполнителей и трансформирующие “под себя” их “личные знания”. Догма института, интернализированная в “личных знаниях” ее адептов, направляет их ментальную, вербальную, мыслечную и прочие виды активности на конструирование суждений/действий для пользы и во имя института, а также против носителей других теорий, т.е. против других институтов. Столкновение, конфликт, война только внешне происходят между людьми, но за кулисами зримых коллизий всегда стоят противоборствующие институты.

Социальная эволюция теорий

Любая теория, будь то теория космоса или теория приготовления котлет, силами своих уже состоявшихся приверженцев стремится, с одной стороны, увеличить свой “охват”, т.е. распространить свое влияние и свою значимость на новых, прежде не охваченных ею людей, и, с другой стороны, она одновременно усиливает “захват” своих приверженцев, стремится к более прочному проникновению в “личные знания” своих сторонников. Для рекрутирования некоторого индивида в ряды своих сторонников теория должна добиться, чтобы он перестал быть сторонником другой теории, действующей в том же поле. Эту борьбу можно с полным основанием назвать “борьбой за выживание”, так как теория с большим “охватом” живет, а теория с нулевым “охватом” – мертва. “Сильные” теории выживают за счет того, что, во-первых, поглощают сторонников более “слабых” теорий и, во-вторых, эффективно удерживают своих сторонников.

“Сила” теории основана на том, в какой мере она привлекает и мотивирует сторонников, в какой мере она соответствует их интересам или же способна навязать собственное понимание интересов, которые ее сторонники примут в качестве “своих”. Так создается особого рода силовое поле теории: попавшие в него люди видят мир, себя, свои интересы через призму теории и действуют “по прописям” теории. Одновременно они втягивают в это поле других людей.

Французский социолог Пьер Бурдьё называл этот феномен *символической властью* теории и объяснял, что теория стремится “изменить категории восприятия

*Благодаря тому, что там
[в Канзас-сити]
заинтересованные в изменении
своей самоидентификации
молодые люди проходят
посвящение в студенты, городок
стал своего рода аппаратом для
социально-психологической
“перегонки”, через который...
проходят парни и девушки –
благонамеренные жители
Среднего Запада на входе
и форменные выродки на выходе.
То, что позволено до, непристойно
после, и наоборот...
Питер Бергер*

*Рабочие и представители
общественности стали с гоном
рассаживаться по вагонам.
Ударили тонкие звоночки,
и первый вагон, которым
управлял сам Треухов, выкатился
из депо под оглушительные
крики толпы и стоны оркестра.
Илья Ильф,
Евгений Петров*

и оценивания социального мира, когнитивные и оценочные структуры: категории перцепции, системы классификации” [Бурдые П. 1994]. Те, кто попал в силовое поле теории, видят и описывают мир ее словами и терминами, приписывают смыслы и значения всему, что они воспринимают, исходя из ее объяснительных конструкций. А вот то, что теория не наделяет “именем”, ее сторонники просто не воспринимают. Такова невидимая сторона символической власти теории. Но есть и сторона вполне зримая, проявляющаяся в публичных действиях людей, демонстрирующих свою приверженность и многочисленность. Борьбу между теориями, наделенными символической властью, Бурдые называет символической, и проявляется она в разных формах: от публичных дебатов до драки в парламенте, от политических убийств до уголовных преследований оппонентов и ввода войск на территории, занимаемые сторонниками другой теории.

Можно утверждать, что шансы теории выжить в борьбе с другими теориями тем выше, чем она ближе к статусу социального института – форме, в которой “силовое поле” теории преобразуется, согласно Бурдые, в ее “социальное поле”. Поэтому все теории стремятся вырасти до социального института, сформировать отряд приверженцев и сторонников, создать управляющую и направляющую “матрицу теории”, состоящую из особого языка, мифов, ритуалов, писаных и неписаных законов, норм, правил, кодексов, регламентов, а также декларирующую определенные социальные ценности в качестве высших приоритетов. Таковы, например, “прогресс” для институтов науки, “порядок” для властных, “правда” для политических, “справедливость” для правовых, “здоровье” для медицинских, “образование” для педагогических, “успех” для экономических, “влияние” для медийных, “истина” для религиозных институтов и т.д.

Если же смотреть на схватки теорий как на эволюционный процесс (в природе выживают и имеют преимущественные шансы на продолжение рода наиболее адаптированные особи), то социальное выживание теорий происходит по закону максимизации “захвата” и “охвата”. Чем глубже “захват”, тем труднее “дезертировать” из отряда сторонников, изменить своей теории, перейти на сторону конкурирующей теории. Чем шире “охват”, тем выше конкурентное преимущество теории, что для институтов науки выражается “авторитетом”, для политических институтов – “подчинением”, для экономических – “прибылью”, для медийных – “влиянием”, для религиозных – “послушанием” и т.д.

Если проводить биологическую аналогию дальше, то можно сказать, что социальные поля, как и биологические виды, взаимодействуют между собой (наука, политика, религия, право, экономика, медиа, повседневность и т.д.), но конкурентная напряженность между ними существенно ниже, а уровень сотрудничества – значительно выше, нежели внутри них. Совокупность таких функционально разных социальных полей аналогична относительно автономному биоценозу, и ее можно назвать “культуроценозом”. В последнем можно выделять ареалы – гомологически подобные, но существенно различные культурно-институциональные устройства. Например, представим себе музей “истории теорий городского транспорта”, посетители которого увидели бы не экспозицию видов транспорта – от конских экипажей до монорельса, но познакомились бы с эволюцией совсем в ином, социальном смысле, отраженной в динамике “захвата” и “охвата” людей разными теориями перевозок и перемещения. Положим, рассказывая о трамвае, музей выставил бы не разные типы вагонов, а показал бы начальный этап бытования теории “трамвая” в обществе – радостное возбуждение от первой, престижной поездки на первом в городе трамвае, далее – период равнодушно-рутинного передвижения в неудобных и “еле ползающих” вагонах и, наконец, облегченный вздох при виде разбираемых трамвайных путей и забвение старомодного чудовища. Здесь главной была бы информация о том, как изменялись число сторонников “трамвайной теории” и степень приверженности ей.

Борьба за приверженцев

Борьба теорий происходит на специфических площадках – в головах и в повседневных практиках индивидов: люди, глубоко “захваченные” какой-либо теорией, стремятся передать ее другим, убедить их принять эту теорию и тоже стать ее последователями. Методы борьбы теорий – самые разные*, но бесспорно, что принятие или отторжение навязываемых теорий – сложный процесс взаимодействия уже сложившегося “личного знания” и поступающих “предложений” по его модификации, по включению в него новых знаний, изменению или удалению старых. К факторам, влияющим на этот процесс, безусловно, относятся личностные особенности индивида, в том числе его склонность к конформизму, а также убедительность аргументов, обосновывающих новую теорию. Кроме того, важную роль играют “захваты”, осуществленные другими теориями в ходе первичной социализации человека и уже подкрепленные биографическим опытом, обычаями, верованиями, канонами, привычками. Но чаще всего наиболее значимыми для изменения “личного знания” оказываются социальные факторы – когда индивид в силу жизненных обстоятельств подпадает под власть норм, правил и законов некоторого социального института, а возможностей к сопротивлению со стороны человека оказывается крайне мало. В таких ситуациях институциональная принуждающая сила может делать “предложения, от которых невозможно отказаться”, требуя существенным образом трансформировать “личное знание”.

Большинство “мягких” форм воздействия основаны на механизмах вовлечения – на желании человека присоединиться к некоей субъективно важной, значимой для него группе, удовлетворить которое невозможно без присоединения к бытующим в ней теориям. Здесь действует “закон доброго имени” Джона Локка – я думаю о том, что думают обо мне другие. Каждый индивид находится в фокусе внимания своего социального окружения, которое формирует некоторые оценочные суждения о нем, судит его с точки зрения принятых здесь и сейчас норм и правил. И каждый индивид озабочен тем, каковы эти суждения, и учитывает их, даже если они звучат только в его воображении. В то же время он и сам участвует в этом бесконечном процессе взаимооценок. Поэтому, чтобы не быть “белой вороной” и не получить низкие оценки от своих, он сам должен судить других, исходя из тех же критериев, что и остальные. Следовательно, он пытается отрефлексировать “личные знания” других в целом, а не только их представления о нем самом, и такие рефлексии оказываются расширением и развитием породившей их теории.

Немецкая исследовательница Элизабет Ноэль-Нойман обозначает эту особую чуткость к чужому мнению метафорой “социальная кожа” и говорит о “квазистатистическом органе”, с помощью которого каждый человек ведет “статистику мнений”, поступающих из всех доступных ему источников. Она объясняет этот феномен инстинктом человека избегать социальной изоляции и стремлением присоединиться к тем мнениям, которые, как ему кажется (“по данным” субъективной статистики), имеют широкий “охват”.

Другой тип принуждения реципиента к принятию теории – давление – основан на действии поощряющих стимулов и карающих санкций. Любой социальный институт применяет более или менее жесткие меры для удержания своих участников и расширения их круга. В данном контексте особенно интересен институт науки — главный производитель и поставщик теорий в современном мире. На его примере можно увидеть действие механизма стимулов и санкций.

Институт науки устроен так, что ученые объединяются в группировки (более почетное название – научные школы), каждая из которых придерживается какой-

Законы, к которым люди обычно обращаются, чтобы судить о правильности и неправильности своих действий, бывают, мне кажется, следующих трех родов:

- 1) законы божественные;*
- 2) законы гражданские;*
- 3) законы общественного мнения, или доброго имени, если можно их так назвать.*

Джон Локк

Квазистатистический орган человека – связующее звено между индивидуальным и коллективным. Имеется в виду не таинственное коллективное сознание, а способность индивида в связи с людьми, их поступками и идеями воспринимать отношения одобрения или неодобрения...
Элизабет Ноэль-Нойман

* Число текстов на эту тему в последнее десятилетие стремительно растет. См., в частности: [Аронсон Э., Пратканис Э. 2002; Зимбардо Ф., Ляйпе М. 2000; Чалдини Р. 1999; Шейнов В.П. 2001].

Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений.

Томас Кун

то научной теории, а также выработанных в группировке методов и приемов ее обоснования. Такие группировки и объединяющие их теории Томас Кун в работе 1962 года [Кун Т. 2001] назвал парадигмами, а через несколько лет ввел еще и очень точный синоним — дисциплинарная матрица. Он стремился подчеркнуть, что научные школы (или парадигмы) представляют собой субинституты внутри института науки, а любой ученый находится под давлением двух кодексов: общенаучного и своей парадигмы. Это так, поскольку парадигмы заключают в себе не только правила и схемы научного мышления, но также и поведенческие предписания, образцы действия для участников парадигмы, ее внутренний кодекс*.

Парадигмы более или менее ожесточенно борются между собой и иногда ниспровергают друг друга, что означает не только вознаграждение и “взлет” приверженцев победившей теории, но и жизненное крушение сторонников проигравшей. Каждый ученый находится под принуждающим воздействием своей дисциплинарной матрицы и должен принимать участие в конкурентной борьбе, которую ведет его парадигма. Имре Лакатос описал целую технологию построения и защиты парадигмы [Лакатос И. 2001]. Участники парадигмы не должны подвергать сомнению научные теории, составляющие ее “неприкасаемое” ядро; по возможности игнорировать факты, противоречащие этому ядру, и подчеркивать факты, его подтверждающие; им следует ставить и решать задачи, которые ведут к усилению их парадигмы; как можно чаще цитировать коллег по парадигме и замалчивать оппонентов и т.д. Вместе с тем есть методы и похуже: организационные интриги, вытеснение противников с ключевых позиций в ученых советах, комиссиях, оргкомитетах, журналах, приоритетное получение помещений, оборудования, руководящих должностей и т.д. Известны и во все драматические ситуации, когда сторонники парадигмы, призывая на помощь политические и государственные институты, добивались репрессий против своих оппонентов, а то и прямого их уничтожения.

Институты репликации теорий

Эволюция теорий в обществе всегда основана на двух механизмах: все более глубокое проникновение в “личные знания” сторонников (“захват”) и увеличение численности сторонников (“охват”). Но в истории соотношение этих двух главных “целей” было различным. До Нового времени, т.е. примерно до XVII–XVIII веков, процессы “охвата” встречали серьезное сопротивление, так как на их пути стояла древняя метатеория “неизменности” усвоенных теорий. Она защищала “личные знания” от вторжения новых теорий и препятствовала тому, чтобы человек ими управлял. Одновременно эта метатеория требовала от индивида сохранения устойчивой идентичности, определяемой его социальным статусом “по рождению”, и давала простые и ясные определения его прав, обязанностей, привилегий, что порождало четкие стратификации – разделение на племена, роды, кланы, касты, слои, сословия и т.д. Как следствие, те же свойства приобретал социальный порядок, так что изменить его можно было в первую очередь инструментами насилия.

С XVI века метатеория “неизменности” стала терять доминирующие позиции в Европе в силу ряда исторических обстоятельств, среди которых важнейшими были возникновение протестантизма и развитие книгопечатания, а также появление метатеории “свободы/равенства”. Она развивалась и распространялась трудами известных мыслителей XVII–XVIII веков. Прямым и, пожалуй, главным следствием ее появления стала теория “равной значимости мнений свободных людей” и, как следствие, всеоб-

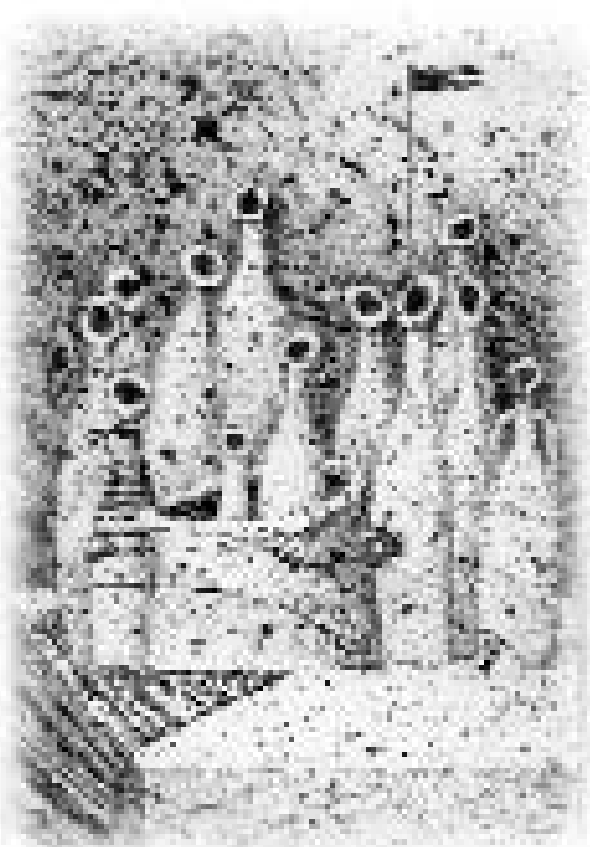
* Этот термин удивительным образом перекликается с культовым фильмом “Матрица”, в котором идея теории как самостоятельного агента доведена до предела и реализована в виде гигантской компьютерной “матрицы”, подсоединенной к мозгу каждого человека и создающей совместную с другими людьми (т.е. коммуникативную) виртуальную реальность, эквивалентную “реальной реальности”.

щее право участвовать в принятии важных для общества решений, т.е. теория “права голоса”*. Независимо от дальнейших путей развития метатеории “свободы/равенства” ее имманентные свойства воплотились во множество специфических социальных институтов: регулярное государство, выборы, рынок, масс-медиа и т.д. А теория “неизменности”, утратив статус метатеории, все же сохранилась и эволюционировала в консервативные теории и идеологии. Они противостоят воплощениям метатеории “свободы/равенства” [Ионин Л.Г. 2000], но все же проигрывают в конкурентной борьбе.

В современную эпоху, когда идея “охвата”, идея завоевания все новых и новых сторонников (неважно – теории, социальной практики, товара или культурного продукта) стала определяющей для развития подавляющего большинства форм социальной жизни, каждый человек (точнее, его “личные знания”) становится ареной борьбы множества различных теорий и мерилom их побед и поражений в этой борьбе. Большинство людей обитает на верхних – всегда недостроенных – этажах “здания” идей, интеллектуальных течений, теорий и образующих эти теории метафор. Именно здесь можно наблюдать, как возникают, конкурируют и стремятся к институционализации разные теории. Люди часто не догадываются о том, что общепринятые, привычные и несомненные для них идеи, схемы и образы мира порождаются и предопределяются нижними этажами и только некоторые спускаются вниз, к “основам”, и принимают участие в происходящей там борьбе теорий “нижнего уровня”, которая никогда не останавливается, хотя и идет медленнее, чем “наверху”.

Над этажом метатеории “охвата” за исторически короткий период надстроены несколько специфических этажей, успевших стать вполне оформившимися социальными институтами. Некоторые из них – это перестроенные и неузнаваемо модифицированные институты прошлых эпох (семья, государство, выборы, материальное производство, наука, религия и проч.). Но есть среди них и такие, которые возникли в эпоху “охвата” и присущи только ей. Их предназначение – создавать и организовывать практики, поддерживающие сам процесс “охвата” для любых теорий, которые обращаются к ним за этой “услугой”. Точно так же, как институт транспортных перевозок обслуживает институты производства или торговли, для обслуживания производителей теорий существуют медийные институты, институты-посредники, доставляющие теории до адресатов, транспортирующие их до полей “личных знаний”. В этом смысле масс-медиа (пресса, радио, телевидение, интернет и др.) и масс-культ (книги, аудио- и видеозаписи, кино, шоу и др.) правильно называть не средствами массовой коммуникации, а средствами *массовой репликации* теорий, от деятельности которых зависит и конкурентная борьба теорий, и их выживание в борьбе друг с другом.

Медийные институты образуют особое и относительно автономное поле (в духе П.Бурдьё), которое можно назвать полем “репликации теорий”. Внутри этого поля также идет ожесточенная конкуренция и также происходит эволюция уже частных, специфических теорий, объясняющих, как эффективнее оказывать “фирменные” услуги

* Особенно легко и широко эта теория “захватила” и “охватила” США. В 40-е годы XIX века Алексис де Токвиль описывал, как равенство, возведенное американцами в ранг высшей ценности, с необходимостью привело к тому, что выборы и референдумы стали важнейшим и неотъемлемым компонентом американской политической системы и создали “всевластие большинства” [Токвиль А. де. 2000].

по обеспечению “охвата” другим институтам (политическим, экономическим, научным, культурным и т.д.)*. Это означает, что сами медийные институты стремятся обеспечить теориям максимальный “охват” “самих себя”, создать мощные отряды сторонников именно их “услуг” и оттеснить конкурентов на периферию – институциональную и “теоретическую”. Недаром адепты всех медийных институтов так болезненно переживают сведения об их реальном “охвате” (числе зрителей телепередач, тиражах книг, посещаемости интернет-сайтов, наполняемости кинозалов и пр.). Ведь от того, какой “охват” у институтов, обеспечивающих “охват” другим институтам, зависит уровень спроса на их услуги. Очевидно, что интересы институтов-заказчиков и институтов-исполнителей совпадают: и те и другие работают на “охват”, и это создает удивительный симбиоз – политики, чиновники, бизнесмены, ученые стремятся попасть “в телевизор”, а телевизионщики, радиийщики, газетчики стремятся заманить их к себе. Политик может говорить, что “народ” должен знать правду, а журналист заявлять, что его долг – всем предоставлять слово. Но на самом деле оба они – рупоры своих институтов, заинтересованных в том, чтобы как можно больше людей признали лидерство именно этих институтов на соответствующих конкурентных площадках в мире теорий.

Видимо, все адепты метатеории “охвата” так разительно похожи друг на друга.

Институты саморефлексии теорий

Однако оставим тему масс-медиа в стороне. Если существуют институты порождения теорий и их легитимации (например, наука), если существуют институты репликации теорий (СМИ), рано или поздно должны возникать институты саморефлексии: каждой эволюционирующей теории необходимо более или менее регулярно выяснять параметры “захвата” и “охвата”, изучать текущее состояние “личных знаний” адресатов ее экспансии, получать “обратную связь” из мира теорий. От способности адекватно оценивать текущую ситуацию зависит и судьба теории, и, более точно, судьба людей, ставших ее приверженцами. Закономерно, что в этой функциональной нише стали интенсивно оформляться разные институты обратной связи, и одним из них является институт социальных исследований, опросов и социальной статистики.

Если медийные институты обеспечивают репликацию теорий, то институты “опросного дела” регистрируют тенденции, происходящие в мире теорий, успешность репликации и направления трансформаций**. Опросы оказываются функционально необходимы именно в эпоху “охвата”. В их основе лежит специфическая теория – теория выборочного исследования, позволяющего при адекватном отображении “охваченного” объекта оптимизировать издержки (времени, денег и иных ресурсов) по поддержанию обратной связи. Выборочный метод оказывается универсальным, так как применим практически для любых теорий. Но главное его достоинство – в другом: он работает в тех случаях, когда иного пути для выяснения, что думает, знает, хочет индивид, просто нет. “Опросная” работа – естественный и неотъемлемый компонент эпохи “охвата”.

Результаты опроса всегда вызывают повышенную эмоциональную реакцию, так как касаются главной ставки конкурентной борьбы между теориями – “охвата”. Отсюда высокая напряженность дискурса, связанного с опросами, и закономерная борьба конкурирующих теорий о том, как эту работу правильнее всего выполнять. Осо-

* Было бы неправильно разделять поле “репликации теорий” на сегменты по техническим способам доставки теорий адресатам, как это делается обычно. Здесь гораздо существеннее различие институтов по их догмам и, соответственно, по специализации их персонала: новости, ток-шоу, триллеры, мелодрамы, комедии, реклама, прогнозы погоды и т.д. Каждый по-своему доказывает свою эффективность, продвигая “теорию самого себя” и предоставляя другим институтам специфические услуги по “охвату”.

** Разговор об опросах важен не только для раскрытия темы, но и совершенно необходим автору, так как для него опросы – не только основной род занятий, но и объект, в существо которого он пытается проникнуть. См. также: [Ослон А.А. Мнение – сила. 2003].

бым вниманием пользуются опросы относительно теорий-идеологий (по традиции называемые “опросами общественного мнения”), так как в силу господствующей метатеории “свободы/равенства/голосования/большинства” они интерпретируются как аналог привычных для эпохи “охвата” процедур референдумов и выборов. Но если теория референдума – это теория волеизъявления, то самая ходовая теория опроса – это теория измерения, подразумевающая, что опросы – это “измерения мнений”, аналогичные, например, физическим измерениям. Поэтому дискуссия о результатах опросов обычно разворачивается вокруг “правильности” измерений, и аргументы приводятся примерно такие: “не там измеряли” (не тех опрашивали), “не так измеряли” (неправильные вопросы), “не то получили” (неверные выводы), “так нельзя измерять” (применение опроса – некорректно), “измерение подделано” (опрос оплачен заказчиком), “предмета измерений не существует” (опрос бессмыслен). Этот перечень – с добавлением важной, но малоизвестной позиции: “опросы – это не измерения” – задает структуру обсуждения роли и места институтов опросов в эпоху “охвата”.

Такое обсуждение – особая и очень важная тема. Дело не только в том, что институт опросов – плоть от плоти эпохи “охвата”, и не в том, что он берет на себя функцию очень важного ритуала этой эпохи*. Гораздо важнее, что только опросы, пожалуй, дают возможность переходить от умозрительных разговоров о социальной эволюции теорий к выяснению, что же “реально” происходит в мире теорий, и, следовательно, к пониманию сущности эпохи “охвата”.

Литература

- Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация: Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999. С. 95.
- Аронсон Э., Пратканис Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.
- Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 59.
- Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. М.: Социо-Логос, 1994. С. 198.
- Доккинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. С. 176–186.
- Зимбардо Ф., Лайте М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000.
- Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М.: Панорама, 1995. С. 200.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001.
- Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001.
- Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения. М.: Мысль, 1985. Том 1. С. 406.
- Николаев В.Г. Реферат статьи Lipari L. Polling as ritual / Journal of communication, N.Y., 1999, V. 49, № 1, р. 83–102 // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология: РЖ РАН. № 4. М.: ИНИОН, 2000. С. 79, 83.
- Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. М.: Прогресс-Академия, 1996. С. 167.
- Ослон А.А. Мнение – сила // Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт ФОМ, 2003.
- Ослон А.А. Мир теорий в эпоху “охвата” // Отечественные записки. 2003. № 4.
- Поттер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 71.
- Сорокин П.А. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 298.
- Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000.
- Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 1999.
- Шейнов В.П. Скрытое управление человеком (Психология манипулирования). М.: АСТ, 2001.
- Шютц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

* “Сегодня в политике США практика обращения к последнему опросу стала ритуалом, не слишком отличающимся от того, чем было для древних греков обращение за советом к оракулу”; “...Опросы не только черпают свою легитимность из ожидания, что они будут выражением общественной воли, но и сами легитимируют идею, что такая воля существует” [Николаев В.Г. 2000].